

На правах рукописи

Артамонова Елена Александровна

**ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМОГО
В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ОСНОВНЫХ НАЧАЛ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

12.00.09 – уголовный процесс

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Саратов – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет».

Научный консультант доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович

Официальные оппоненты: **Гриненко Александр Викторович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации», профессор

Кудрявцева Анна Васильевна
доктор юридических наук, профессор,
Ставропольский краевой суд, председатель
судебной коллегии по уголовным делам

Смолькова Ираида Вячеславовна
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный
университет», профессор

Ведущая организация Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «**Российский университет
дружбы народов**» (юридический институт)

Защита состоится 08 апреля 2020 года в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 212.239.01 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (<http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/16-12-2019-1d.pdf>).

Автореферат разослан «__» января 2020 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Кобзева Елена Васильевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Развитие общественных отношений совершенствует парадигму соотношения интересов государства и личности во всех сферах жизни, в том числе в уголовном судопроизводстве. Изменение уголовно-процессуальных правоотношений привело к тому, что обвиняемый, долгое время воспринимавшийся в качестве бесправного объекта, превратился в самостоятельного участника уголовного судопроизводства с широкими полномочиями. Под воздействием социальных, экономических, политических, правовых преобразований законодатель вводил новые нормы, которые предоставляли обвиняемому дополнительные возможности влиять на уголовно-процессуальную деятельность. Постепенно правовые возможности обвиняемого нарастали, расширялись пространственно и содержательно и достигли такого состояния, которое влияет на сущностно-типичную характеристику уголовного процесса, персонифицирует его. Деятельность обвиняемого по защите своих прав, свобод и законных интересов перестала быть его сугубо личным делом, она проникает в публичное пространство, его отношение к уголовному делу становится одним из системообразующих факторов современного уголовного процесса.

Проблема волеизъявления обвиняемого и его значимости для уголовно-процессуальной деятельности до настоящего времени не была объектом самостоятельного исследования на монографическом или диссертационном уровне. Она вообще не ставилась и не обозначалась в том объёме и тех аспектах, которые присущи современной правоприменительной и правотворческой деятельности. Между тем эта проблема важна и существенна не только применительно к деятельности обвиняемого¹, но и к деятельности любого вовлекаемого в уголовный процесс участника. Она есть отражение конституционного положения, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), и предполагает совершенствование соотношения публичных и личных интересов в уголовном

¹ Настоящая работа посвящена исследованию волеизъявления любого уголовно-преследуемого лица. В её названии обозначен только обвиняемый, но учитывая близость процессуального положения обвиняемого и подозреваемого, излагаемый в диссертации материал относится не только к обвиняемому, но и к подозреваемому в той мере, в которой совпадают их процессуальные статусы. Особенности, относящиеся к подозреваемому, оговариваются отдельно.

судопроизводстве. В связи с этим возникает необходимость осознания волеизъявления обвиняемого как самостоятельной уголовно-процессуальной категории, которая выходит на уровень соотносимости с общепринятыми уголовно-процессуальными категориями, в том числе принципами уголовного судопроизводства. В законе уже предусмотрены многие разновидности проявления волеизъявления обвиняемого, прописаны специальные способы его реализации, но они пока не отражают всех сущностных аспектов характера и значимости этого правового явления. Пронизывая весь уголовный процесс, волеизъявление обвиняемого, выраженное в ряде норм и институтов, нуждается в системном комплексном исследовании как с точки зрения его сущности и значимости для уголовного судопроизводства, так и перспектив его развития и воздействия на уголовно-процессуальную деятельность.

Признавая волеизъявление обвиняемого самостоятельной новосформировавшейся уголовно-процессуальной категорией, необходимо определить её место и роль среди других уголовно-процессуальных категорий, уяснить, как волеизъявление субъекта уголовно-процессуальной деятельности встроено в систему общепризнанных уголовно-процессуальных категорий, какова взаимосвязь волеизъявления обвиняемого с уголовно-процессуальными принципами, как и насколько волеизъявление обвиняемого значимо для правоприменителя. Без исследования проблемы волеизъявления обвиняемого уже не представляется возможным дальнейшее развитие уголовного судопроизводства и осуществление деятельности по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Волеизъявление обвиняемого как средство его взаимоотношения с должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, и способ отстаивания своих прав и законных интересов приобретает такую значимость, которая обуславливает необходимость исследования процесса персонификации самого уголовного судопроизводства, связанного с формированием рассматриваемой правовой категории.

Успешное совершенствование уголовно-процессуального права невозможно без научных разработок. Если право развивается от теории к практике, это повышает интерес к теоретическому осмыслению его фундаментальных проблем. Увеличивающееся влияние волеизъявления обвиняемого на уголовно-процессуальную деятельность, его учёт

правоприменителем обусловили необходимость глубокого научного исследования этого правового явления. Неверное понимание правовых норм и институтов, регламентирующих порядок и правовые последствия проявления отношения обвиняемого к уголовно-процессуальной деятельности, искажённое представление о его правовой сущности и влиянии на уголовное судопроизводство влечёт дефектное правовое регулирование в сфере реализации обвиняемым своего волеизъявления и, как следствие, ошибки в правоприменительной деятельности.

Изложенное предопределило выбор темы диссертационной работы.

Степень разработанности темы исследования. Термины «воля» и «волеизъявление» применительно к участникам уголовно-процессуальной деятельности, включая обвиняемого и подозреваемого, достаточно широко распространены в уголовно-процессуальной научной литературе, используются в судебной практике, встречаются в законодательстве, однако специальных трудов, посвящённых разработке этой проблематики, до сих пор нет. Данные категории исследовались в основном в теории государства и права, в частности в работе В.А. Ойгензихта «Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права)»¹, и в теории гражданского права, как правило в учении о сделке. Что касается уголовного судопроизводства, то проблема волеизъявления обвиняемого с точки зрения своего существа и значимости в качестве самостоятельного объекта изучения не выделялась и не освещалась. Хотя её отдельные аспекты в той или иной мере затрагивались в работах, посвящённых уголовно-процессуальному положению обвиняемого, обеспечению его прав и законных интересов, взаимоотношениям с другими участниками уголовного процесса. В частности они в той или иной мере рассматривались ещё в трудах дореволюционных юристов: С.И. Викторского, И.В. Гессена, А.П. Куницына, П.И. Люблинского, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, В.К. Случевского, И.Я. Фойницкого и др.

О выражении обвиняемым своего мнения как своеобразном способе защиты и отстаивания прав и законных интересов в определённой мере писали учёные, посвятившие свои труды исследованию процессуального статуса обвиняемого и обеспечению его прав и законных интересов: Я.С. Аврах,

¹ Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права) / отв. ред. Раджабов С.А. Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.

Л.Б. Алексеева, Ф.А. Богацкий, А.Я. Вышинский, И.М. Гальперин, А.С. Гамбарян, П.С. Дагель, Т.Н. Добровольская, З.З. Зинатуллин, З.Ф. Коврига, Л.Д. Кокорев, В.М. Корнуков, А.М. Ларин, А.Р. Ратинов, Т.А. Скотникова, Ю.И. Стецовский, М.С. Строгович, А.А. Тарасов, Ф.Н. Фаткуллин, А.Л. Цыпкин, М.А. Чельцов и др.

Некоторые аспекты влияния волеизъявления обвиняемого на уголовно-процессуальную деятельность затрагивались в исследованиях, посвящённых отдельным принципам уголовного судопроизводства и их реализации в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов обвиняемого. Они нашли отражение в работах О.И. Андреевой, М.Т. Аширбековой, А.С. Барабаш, Е.В. Великой, В.Л. Григоряна, А.В. Гриненко, И.А. Зайцевой, А.Н. Игнатьева, А.П. Кругликова, А.В. Кудрявцевой, И.А. Насоновой, С.Б. Некеновой, Н.К. Панько, Г.Б. Петровой, Н.П. Печникова, А.Д. Прошлякова, Т.К. Рябининой, В.М. Савицкого, И.В. Смольковой, Ю.И. Стецовского, М.С. Строговича, А.С. Таран, В.Т. Томина, М.А. Фомина, А.М. Юсубова, А.Н. Янкина и др.

Некоторые частные вопросы воздействия обвиняемого (подозреваемого) на уголовно-процессуальную деятельность освещались при рассмотрении упрощённых производств, а также при исследовании проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы (в той части, в которой выбор порядка уголовного судопроизводства зависит от намерений обвиняемого) в работах А.В. Боярской, Л.В. Веницкого, Н.А. Власовой, С.И. Гирько, И.В. Головинской, О.В. Евстигнеевой, А.С. Закотянского, М.В. Зотовой, В.В. Кальницкого, О.В. Климановой, Ю.В. Кувалдиной, В.А. Лазаревой, Я.В. Лошкобановой, Д.И. Любишкина, Н.С. Мановой, Е.А. Марковичевой, А.В. Пиюка, А.А. Плясуновой, Е.В. Саюшкиной и др.

Отдельные аспекты, связанные с проявлением обвиняемым волеизъявления и его влиянием на процессуальные решения, рассматривались в кандидатских диссертациях Н.В. Васильева «Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования» (2002 г.), Д.С. Устинова «Поведенческая характеристика обвиняемого и её влияние на решения, принимаемые по уголовному делу» (2015 г.), О.В. Жилевой «Злоупотребление обвиняемым субъективными правами в ходе предварительного расследования: понятие, виды и пути его преодоления» (2018 г.).

Высоко оценивая вклад указанных учёных, надо признать, что в целом рассматриваемая проблема в науке уголовного процесса не раскрыта и нуждается в дальнейшем глубоком исследовании не только на монографическом, но и на диссертационном уровне.

Объектом исследования являются урегулированные уголовно-процессуальным законом общественные отношения, возникающие в связи с привлечением лица к уголовной ответственности, обусловленные его деятельностью и проявлением волеизъявления при производстве по уголовному делу.

Предмет исследования составляют нормы российского уголовно-процессуального права, посредством которых осуществляется регламентация процессуального положения обвиняемого и его деятельности в сфере производства по уголовным делам, а также практика их применения.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является разработка концепции, раскрывающей правовую сущность волеизъявления обвиняемого (подозреваемого), значимость такого волеизъявления в уголовном судопроизводстве, пути и способы должного отражения этого правового явления в уголовно-процессуальном законодательстве и восприятия в правоприменительной деятельности.

Указанная цель предопределила решение следующих **задач**:

- раскрыть понятие и сущность волеизъявления обвиняемого, генезис и механизм его формирования, определить перспективы его развития, значимость и влияние на уголовно-процессуальную деятельность;
- определить место категории «волеизъявление обвиняемого» в системе уголовно-процессуальных категорий, показать её связь с другими уголовно-процессуальными категориями;
- выделить предпосылки и этапы формирования категории волеизъявления в уголовном судопроизводстве;
- обозначить основные аспекты связи волеизъявления обвиняемого с принципами уголовного судопроизводства;
- изложить историческую ретроспективу учёта волеизъявления обвиняемого в уголовном процессе и определить место и роль волеизъявления обвиняемого в системе современной публичной уголовно-процессуальной деятельности;

- раскрыть диалектику взаимосвязи волеизъявления обвиняемого с принципами обеспечения права на защиту и состязательности;
- выявить взаимосвязи волеизъявления обвиняемого с другими уголовно-процессуальными принципами, проецируемыми на личность, защиту её прав, свобод и законных интересов;
- установить влияние волеизъявления обвиняемого на характеристику типа российского уголовного судопроизводства.

Правовую основу диссертационного исследования составляют международные нормативно-правовые акты в сфере охраны и защиты прав и свобод человека при осуществлении уголовного преследования, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, а также иные действующие нормативно-правовые акты, связанные с объектом исследования. Изучению и анализу подверглись нормативно-правовые акты, регламентировавшие уголовно-процессуальную деятельность в России в XIX–XX вв., прежде всего, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и др. Проанализировано действующее уголовно-процессуальное законодательство отдельных зарубежных стран. Доктринальное толкование уголовно-процессуальных норм осуществлялось автором с учётом правовых позиций и рекомендаций Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, выраженных в соответствующих судебных актах.

Теоретической основой диссертационного исследования выступают научные труды дореволюционных, советских и современных российских и зарубежных учёных – теоретиков права, специалистов в области уголовно-процессуального и уголовного права, современные концепции и достижения философии, логики, психологии, социологии и других наук, изучающих и объясняющих закономерности деятельности человека.

Эмпирическая основа исследования включает данные, полученные в период с 2012 по 2019 гг. в результате анкетирования практических работников в г. Ставрополе и Ставропольском крае, г. Саратове, Республике Коми (г. Воркута), Калужской, Тульской, Тамбовской, Пензенской областях (187 сотрудников органов расследования и прокуратуры, 185 судей и 138 адвокатов); результаты изучения 173 уголовных дел и надзорных производств, находящихся в архивах федеральных судов и органов

прокуратуры Ставропольского края, а также Саратовской, Калужской и Тульской областей; 500 официально опубликованных судебных решений разных судебных инстанций; эмпирические данные, содержащиеся в трудах других исследователей; сведения статистического характера, представленные на официальных сайтах: Интернет-портале правовой информации, Генеральной прокуратуры РФ (Портал правовой статистики), Министерства внутренних дел РФ, Верховного Суда РФ, Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, Уполномоченного по правам человека РФ, а также на сайтах федеральных судов общей юрисдикции.

Методологической основой исследования выступает совокупность философских, общенаучных и специально-юридических методов научного познания. При проведении исследования использованы, прежде всего, диалектический метод, а также в разном соотношении общенаучные и специально-юридические методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход, метод теоретического моделирования, статистический, социологический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и метод юридической интерпретации.

Научная новизна диссертации определяется разработкой концепции волеизъявления обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства. В ее содержании определена правовая сущность волеизъявления обвиняемого, раскрыта значимость такого волеизъявления в уголовном судопроизводстве, выявлены пути и способы должного отражения этого правового явления в уголовно-процессуальном законодательстве и его восприятия в правоприменительной деятельности.

Волеизъявление обвиняемого признается одним из системообразующих факторов уголовного судопроизводства, наделяется значением самостоятельной уголовно-процессуальной категории, которая по своей роли и влиянию на уголовно-процессуальную деятельность сравнима с другими общепризнанными категориями подобного ряда, в том числе принципами уголовного судопроизводства.

Выработаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной деятельности, обусловленные возрастанием роли и значения волеизъявления обвиняемого в современной правовой действительности.

На защиту выносятся следующие **основные положения**, отражающие авторскую концепцию доктринального понимания волеизъявления обвиняемого, его роли, места и значения в уголовном судопроизводстве.

1. Уголовно-процессуальная деятельность обвиняемого, будучи составной частью уголовного судопроизводства, по своей значимости и направленности носит двойственный характер. С одной стороны, это деятельность, посредством которой обвиняемый выполняет возложенные на него процессуальные обязанности, с другой – это активная, самостоятельная и инициативная деятельность, посредством которой обвиняемый реализует предоставленные ему права с целью защиты и отстаивания своих законных интересов. Оба эти направления деятельности обвиняемого находятся в одном правовом поле, но если обязывание лишает обвиняемого свободы выбора, возможности действовать в соответствии с собственной волей, то реализация прав зависит от самого обвиняемого, осуществляется под воздействием и при участии его выраженного психоволевого отношения к осуществляемой уголовно-процессуальной деятельности и собственного интереса по делу. Именно она, будучи сопряжённой с его волеизъявлением, является базовой, превалирующей стороной уголовно-процессуальной деятельности обвиняемого.

2. Волеизъявление обвиняемого является разновидностью форм, способов, средств проявления личностных свойств и качеств (характеристик) лица, привлекаемого к уголовной ответственности, посредством которых он выражает своё отношение к принимаемым уголовно-процессуальным решениям и осуществляемой в отношении него уголовно-процессуальной деятельности в целях опровержения обвинения (подозрения), защиты и отстаивания своих прав и законных интересов.

3. Волеизъявление обвиняемого характеризуется многоплановостью. *В философско-правовом смысле* это уголовно-процессуальная категория, по своей сущности и значимости сопоставимая с общепризнанными категориями уголовного процесса, в том числе принципами уголовного судопроизводства, в системе которых оно должно получить должное законодательное закрепление. С точки зрения *теоретико-практического восприятия* сегодняшней уголовно-процессуальной действительности волеизъявление обвиняемого конвергирует в один из системообразующих факторов, определяющих сущностные характеристики российского

уголовного судопроизводства. *В психоволевом плане* это психический процесс, обусловленный процессуальными действиями или действиями, могущими вызывать или изменять уголовно-процессуальную деятельность. *В широком эмпирическом смысле* это уголовно-процессуальная деятельность уголовно-преследуемого лица, основной отличительной чертой которой является вплетение в неё субъективно-волевого отношения обвиняемого к происходящему. *В узком эмпирическом смысле* это поведенческий акт, в основе которого лежит сложный волевой процесс, состоящий из двух относительно самостоятельных, тесно взаимосвязанных этапов: волеобразования (зарождение и формирование воли) и волепроявления (выражение воли вовне).

4. Волеизъявление как психофизиологический поведенческий акт, в котором проявляется реакция обвиняемого на правовую действительность, осуществляется им либо по собственной инициативе вне зависимости от действий и решений других лиц (самопроявляемое или лично иницируемое), либо в связи с действиями иных субъектов процесса: представителей стороны защиты (защитник, законный представитель), стороны обвинения (потерпевший, должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство), а также деятельностью лиц, так или иначе связанных с обвиняемым, но не являющихся участниками уголовного судопроизводства, например друзья, коллеги, родители (обусловленное волеизъявление).

5. По воздействию на уголовно-процессуальную деятельность волеизъявление обвиняемого может выступать в качестве предопределяющего, учитываемого или условно учитываемого фактора. Данное обстоятельство находится в корреляционной связи с местом волеизъявления обвиняемого в системе оснований для принятия процессуального решения. Волеизъявление обвиняемого может выступать в виде основы принимаемого процессуального решения либо быть одним из элементов (компонентов) оснований принимаемых процессуальных решений.

6. Волеизъявление обвиняемого с точки зрения действующего законодательства выражается в разнообразных нормативно определяемых формах (заявление, ходатайство, просьба, жалоба и пр.), что загромождает текст уголовно-процессуального закона и создаёт сложности в правоприменительной деятельности. Все эти процессуальные разновидности волеизъявления обвиняемого как способа проявления им

своего мнения в отношениях с должностными лицами, ведущими процесс, можно и нужно преобразовать по основному содержательному признаку в два вида и обозначить волеизъявление обвиняемого, направленное на реализацию принадлежащих ему прав, ходатайством, а волеизъявление обвиняемого, нацеленное на восстановление нарушенного права или на пересмотр процессуального решения, – жалобой.

7. Необходимость научного выделения и соответствующего законодательного оформления волеизъявления обвиняемого как самостоятельной уголовно-процессуальной категории обусловлено сущностными изменениями, произошедшими в российском уголовном процессе в последние годы. Современный российский уголовный процесс приобрёл более выраженную личностную (персонифицируемую) направленность, вследствие чего значительно усилилась охрана прав личности, активизировалась деятельность обвиняемого по защите его прав, свобод и законных интересов. Это прямо и непосредственно нашло отражение в пространственном соотношении и характере взаимосвязи публичных (государственных) и частных (личных) интересов, затрагиваемых и отстаиваемых в уголовном судопроизводстве, а также в механизме уголовно-процессуального регулирования. Структурируясь в механизм уголовно-процессуального регулирования, волеизъявление обвиняемого не только повышает значимость и роль прав обвиняемого, но и усиливает правообеспечительное воздействие всех других его элементов. С точки зрения практической деятельности в силу своих сущностных свойств и характера воздействия на уголовное судопроизводство волеизъявление обвиняемого становится внутренней частью механизма, обеспечивающего публично-правовой характер российского уголовного судопроизводства.

8. Теоретическая и практическая значимость волеизъявления обвиняемого в системе действующего уголовно-процессуального регулирования и практики осуществления уголовного судопроизводства наиболее полно и выразительно проявляется и обнаруживается при сопоставлении и раскрытии его связей с принципами уголовного судопроизводства. Взаимодействие указанных правовых явлений, обусловленное, прежде всего, назначением уголовного судопроизводства, упорядочивает процессуально-правовое пространство, в котором деятельность должностных лиц осуществляется в режиме взаимосочетания

волеизъявления обвиняемого и требований, вытекающих из уголовно-процессуальных принципов и установленного ими порядка уголовно-процессуальной деятельности.

9. Диалектический характер связей волеизъявления обвиняемого с принципами уголовного судопроизводства сказывается на уголовно-процессуальной характеристике последних. В зависимости от характера взаимодействия с волеизъявлением обвиняемого принципы уголовного судопроизводства могут быть подразделены на: принципы, формирующие пространство и определяющие среду, где волеизъявление обвиняемого приобретает должную процессуальную значимость; принципы, создающие условия для реализации волеизъявления обвиняемого; принципы, обеспечивающие охрану прав и свобод обвиняемого.

10. Внедрение и закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве особых порядков, где основные публичные решения во многом зависят от желания обвиняемого, изменило пространственное соотношение публичного начала и волеизъявления обвиняемого как слагаемых факторов реализации уголовно-процессуальной деятельности, которая в современных условиях осуществляется на парадоксально ином их соотношении: с одной стороны, происходит усиление публичности, а с другой – повышается значимость личностных качеств и деятельности обвиняемого. С учётом указанного обстоятельства принцип публичности целесообразно легализовать в отдельной статье, отражающей должное сочетание публичного начала уголовного судопроизводства с пространственной распространённостью волеизъявления участников уголовного процесса, прежде всего обвиняемого.

11. Выступая в качестве основного средства и способа формирования и отстаивания обвиняемым своей позиции по уголовному делу, защиты им своих прав и законных интересов, волеизъявление обвиняемого расширяет границы и обогащает сущностные характеристики принципа состязательности. В состязательном начале актуализируется и возрастает значимость требования равенства сторон, в котором на первое место выступает не формальное равенство в правах, а равнообеспечительные возможности реализации этих прав. Из этого вытекает, что волеизъявление обвиняемого и заявления стороны обвинения и приводимые ими доводы по вопросам судопроизводства должны влечь однопорядковые процессуальные

решения суда и других правоприменителей.

12. Действенная и эффективная реализация принципа обеспечения права на защиту возможна только в условиях должного учёта волеизъявления обвиняемого. Корреляционно-обеспечительная связь проявления обвиняемым своего отношения к уголовно-процессуальной деятельности с его правом на защиту обуславливает необходимость трактовки указанного принципа в обязательном согласовании с волеизъявлением обвиняемого. Игнорирование этой связи, ведущее к ограничению волеизъявления обвиняемого, допустимо только в двух случаях: когда волеизъявление обвиняемого является противоправным и представляет собой злоупотребление правом на защиту. В условиях современного развития российского общества, уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики видится несвоевременным законодательное закрепление положения о злоупотреблении правом и запрета злоупотребления правом со стороны защиты. Введение в закон таких положений может вызвать обратную реакцию – злоупотребление полномочиями должностных лиц со стороны обвинения при построении своей деятельности по отношению к правам обвиняемого и его защитника.

13. Недостатки правового регулирования волеизъявления обвиняемого, сферы его проявления и воздействия на уголовное судопроизводство негативно отражаются на практике осуществления уголовно-процессуальной деятельности и порождают проблемы не только в сфере защиты обвиняемым прав и законных интересов, но и всей уголовно-процессуальной деятельности. В целях разрешения и устранения этих проблем необходимо:

1) легализовать и должным образом регламентировать в законе категорию «волеизъявление обвиняемого», указав, прежде всего, что любое выраженное в установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее также – УПК РФ) порядке волеизъявление обвиняемого должно быть принято, рассмотрено по существу и максимально учтено правоприменителем^{1*};

2) наделить обвиняемого правом самостоятельно или с помощью защитника, частного детектива, законного представителя собирать доказательства, которые бы принимались и приобщались к делу независимо

^{1*} Вариант нормативно-правового оформления сформулированного предложения содержится в тексте диссертации.

от усмотрения правоприменителя и имели равную юридическую силу с доказательствами, собранными и представленными стороной обвинения;

3) разрешить обвиняемому по его ходатайству участвовать в производстве любого следственного действия, затрагивающего его интересы*;

4) ввести в досудебное производство механизм реализации права обвиняемого на оспаривание показаний свидетельствующих против него лиц*;

5) в целях равнозначного законодательного обеспечения и практического учёта мнения каждого из обвиняемых по групповым преступлениям при расхождении их позиций по поводу использования предоставленного права выбора формы осуществления уголовного правосудия предусмотреть обязательное разделение уголовного дела на два производства, в частности в случаях, когда одна часть обвиняемых ходатайствует о рассмотрении их дела судом с участием присяжных заседателей, а другая – возражает против этого*.

14. В работе содержатся и другие предложения по совершенствованию действующего законодательства, в частности предлагается:

1) с целью искоренения формального отношения к институту назначения защитника внедрить порядок реагирования правоприменителем, прежде всего судом, на бездеятельность защитника по назначению для предотвращения некачественной защиты, формального участия адвокатов в процессе, недопущения нарушения прав обвиняемых и постановления неправосудных решений. В качестве мер воздействия к таким адвокатам предусмотреть официальное предупреждение и замену защитника по назначению с внесением соответствующего постановления (определения) в адвокатскую палату;

2) распространить на досудебное производство право обвиняемого пользоваться помощью субсидиарного защитника с отнесением решения этого вопроса к компетенции субъекта, в чьём производстве находится уголовное дело (следователя или дознавателя)*;

3) в целях более эффективного применения главы 40 УПК РФ распространить возможность реализации обвиняемым права ходатайствовать о рассмотрении его дела в особом порядке на подготовительную часть судебного разбирательства*;

4) при отказе в суде обвинителя от обвинения производство по уголовному делу завершать вынесением оправдательного приговора*;

5) по уголовным делам, расследование которых проводилось в сокращённой форме дознания, предмет и пределы исследования в суде сохранить в рамках обвинительного постановления, а понятие «исследование доказательств», употребляемое в части второй статьи 226.9 УПК РФ, трактовать исключительно в классическом его содержании – как гласное, непосредственное изучение доказательств с участием сторон в состязательном процессе.

Теоретическая значимость исследования обусловлена концептуальностью выводов и положений, содержащихся в диссертации, которые обогащают не только уголовно-процессуальную науку, но и общую теорию права, исследующую данные вопросы в межотраслевом аспекте. Сформулированные в работе теоретические положения раскрывают и объясняют сущность и правовую природу волеизъявления обвиняемого в уголовном процессе, что позволяет на новом теоретическом уровне исследовать закономерности развития уголовного судопроизводства под углом зрения обеспечения прав личности как основной социальной ценности, провозглашённой государством (ст. 2 Конституции РФ). Введены в научный оборот новые понятия и категории, получившие теоретическое обоснование в тексте работы.

Использованный в диссертации подход к исследованию понятия, сущности, правовой природы, механизма проявления и значимости для уголовно-процессуальной деятельности волеизъявления обвиняемого может быть успешно применён для дальнейшей разработки проблем обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его положений и полученных выводов для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в том числе при подготовке законопроектов, регулирующих процессуальное положение обвиняемых и подозреваемых в уголовном судопроизводстве, а также направленных на усиление и совершенствование гарантий конституционного права обвиняемых (подозреваемых) на защиту. Сделанные автором рекомендации могут быть использованы для правильного толкования и применения на практике нормативно-правовых предписаний, связанных с проявлением волеизъявления обвиняемым (подозреваемым) на различных стадиях уголовного судопроизводства. Материалы диссертационного

исследования могут быть использованы в процессе подготовки юристов в высших учебных заведениях и на курсах повышения квалификации при преподавании учебной дисциплины «Уголовный процесс» и других дисциплин уголовно-процессуального цикла.

Степень достоверности полученных результатов. Достоверность выводов и результатов, представленных в диссертации, обусловлена научной методологией исследования, использованием в работе фундаментальных исследований ведущих учёных в области общей теории права, уголовного процесса и других отраслевых наук; значительным объёмом другой литературы; анализом достаточно объёмного эмпирического материала, изученного в процессе проведения исследования, а также апробацией выводов диссертации на научных и научно-практических конференциях различного уровня.

Апробация результатов исследования проходила в форме обсуждения на международных и российских научных и научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах: «Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства» (25-26 сентября 2014 г., Иркутск, Байкальский государственный университет экономики и права); «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения» (14 декабря 2015 г., Иркутск, Байкальский государственный университет экономики и права); «Следственная деятельность: прошлое, настоящее, будущее» (10 ноября 2015 г., Саратов, Саратовская государственная юридическая академия); «Актуальные проблемы современного уголовного судопроизводства России» (29-30 января 2015 г., Самара, Самарский государственный университет); «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики» (20-21 октября 2016 г., Самара, Самарский государственный университет); «Право, наука и образование: традиции и перспективы» (29-30 сентября 2016 г., Саратов, Саратовская государственная юридическая академия); «Противодействие преступлениям и преступности: проблемы межотраслевого взаимодействия» (29-30 июня 2017 г., Саратов, Саратовская государственная юридическая академия); «Актуальные проблемы реализации современной уголовной политики в противодействии коррупции» (16 апреля 2018 г., Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет); «Современные проблемы уголовного судопроизводства: проблемы теории и практики»

(5 апреля 2018 г., Москва, Российский государственный университет правосудия); «Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России» (30 марта 2018 г., Ставрополь, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД РФ); «Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации» (12-13 декабря 2018 г., Волгоград, Волгоградский государственный университет); «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (31 января – 2 февраля 2019 г., Томск, Томский государственный университет); «Состязательность в уголовном судопроизводстве: от классических моделей к современным технологиям» (4 апреля 2019 г., Москва, Российский государственный университет правосудия); «Трансформация основ уголовного судопроизводства в свете цифровых технологий» (5 апреля 2019 г., Москва, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); «Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича», (24-25 октября 2019 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) и др.

По теме диссертационного исследования опубликовано 65 научных работ общим объемом 73,2 а.л., в том числе 3 монографии, 29 статей в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 2 статьи в изданиях, входящих в международные реферативные базы и системы цитирования. Основные результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс юридического института Северо-Кавказского федерального университета, юридического факультета Забайкальского государственного университета, в практическую деятельность Третьего апелляционного суда общей юрисдикции, Саратовского областного суда, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух разделов, объединяющих шесть глав, включающих восемнадцать параграфов, заключения, списка используемой литературы и источников, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении излагаются актуальность выбранной темы; степень её теоретической разработанности; объект и предмет исследования; цель и задачи диссертации; нормативно-правовая, теоретическая и эмпирическая основы исследования; методология исследования; научная новизна выводов; положения, выносимые на защиту; теоретическая и практическая значимость работы; степень достоверности; данные об апробации результатов и структуре работы.

Первый раздел **«Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий»** состоит из двух глав. *Первая глава «Волеизъявление субъекта уголовно-процессуальной деятельности как правовая категория»* состоит из пяти параграфов. В первом параграфе «Правовые категории, их понятие, сущность, содержание и назначение» излагается общая характеристика правовых категорий и уголовно-процессуальных категорий, как их разновидности, в которых отражается в обобщённом и абстрагированном виде уголовно-процессуальная материя. В параграфе дан обзор наиболее востребованных концепций соотношения терминов «категория» и «понятие», даётся характеристика системы и раскрывается значение уголовно-процессуальных категорий в науке уголовного процесса. Отмечается, что они отражают наиболее значимые, ключевые, сущностные характеристики и закономерности уголовного судопроизводства. Система уголовно-процессуальных категорий, как организованная целостность общих, объёмных понятий, посредством которых структурируется наука, подвижна, находится в постоянном развитии, дополняясь новыми уголовно-процессуальными категориями по мере их появления. Обосновывается, что сегодня на уровень основных уголовно-процессуальных категорий выходит и встраивается в их систему категория «волеизъявление обвиняемого», отражающая ту часть уголовно-процессуальной деятельности, которая ориентирована на личность обвиняемого, на максимально возможный учёт его мнения и интересов при производстве по уголовному делу. Её формирование есть результат установления определённой закономерности, отражающей влияние отношения обвиняемого к уголовно-процессуальной деятельности.

Во втором параграфе «Предыстория: предпосылки и этапы формирования категории волеизъявления в уголовном судопроизводстве»

излагается историография исследуемого правового явления с момента его возникновения до настоящего времени. Волеизъявление, как инструмент общения участников правового конфликта, в его первоначальном виде возникло одновременно с появлением процедуры, которая затем преобразовалась в уголовное судопроизводство, поскольку участники любого спора выражали своё отношение к содеянному и к жалобе, которая становилась предметом разбирательства. Во всяком случае, лицо, которому вменялось в вину совершение определённого деяния, выражало к нему своё отношение, которое, по сути, и было тем, что сегодня называется волеизъявлением.

В истории развития отечественного уголовного процесса выделены три этапа, отражающие формирования категории волеизъявления: 1) период действия древнего частно-искового процесса (вплоть до XV в.), в целом построенного на волеизъявлении его участников, где главенствовало желание потерпевшего, требования которого о начале производства выступали в качестве основания осуществления всей деятельности. Волевые проявления обвиняемого лица могли присутствовать только в виде его отношения к выдвинутому обвинению (например, так называемое собственное признание стороны (обвиняемого), имевшее решающее значение в процессе); 2) период действия уголовного процесса в условиях «жёсткой» публичности уголовного судопроизводства (XV-XX вв.), когда воля частных лиц, прежде всего потерпевшего и обвиняемого, практически не учитывалась, за исключением производства по делам частного обвинения и применения отдельных процессуальных институтов, например, заявление гражданского иска или приглашение конкретного защитника; 3) современный (постсоветский) период развития уголовного процесса, обусловленный становлением демократических начал, когда лица, вовлекаемые в процесс, признаются его субъектами и наделяются широкими правами, позволяющими отстаивать их законные интересы в производстве по делу, и их мнение не просто учитывается, а оказывает влияние на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности.

Формированию рассматриваемой категории предшествовало наделение участников процесса дополнительными правами, постепенное расширение их правового статуса. Поскольку интересы обвиняемого являются центральными в уголовном процессе, эта категория преимущественно формировалась и представляла больший теоритический интерес именно

применительно к обвиняемому. Правовые условия, позволяющие лицам, вовлекаемым в процесс, и прежде всего обвиняемому, воздействовать на уголовное судопроизводство постепенно меняли характер самого уголовного процесса, делали его более восприимчивым к интересам личности, в том числе интересам обвиняемого. Одновременно с этим естественно менялось соотношение полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства и правомочий обвиняемого. Процесс стал в определённой мере зависимым от уголовно-процессуального поведения обвиняемого (поведенчески-зависимым). Участники уголовного процесса, которые раньше участвовали в нём только с точки зрения формального исполнения определенных обязанностей и соблюдения принадлежащих им прав, сегодня стали действующими лицами, и в первую очередь это относится к обвиняемому, чьё волеизъявление вызывает соответствующую правовую реакцию и учитывается при производстве по конкретному уголовному делу.

Процесс формирования категории «волеизъявление обвиняемого» ныне достиг такого уровня, когда игнорировать и не признавать её уже невозможно, поскольку: 1) волеизъявление обвиняемого объективно существует как правовое базовое явление, отражает новые, но уже сформировавшиеся определённые процессы, отношения и закономерности, возникающие в уголовно-процессуальной деятельности; 2) категория «волеизъявление обвиняемого» достаточно широко используется и в теории, и на практике, что позволяет говорить о необходимости её выведения на должный уровень в системе понятийного аппарата уголовно-процессуальной науки.

Третий параграф «*Волеизъявление обвиняемого как правовая категория: понятие, сущность, структура и содержание*» посвящён исследованию указанных в заголовке вопросов с позиций сущностно-содержательного начала этого многопланового правового явления. Характеризуя волеизъявление обвиняемого как уголовно-процессуальную категорию, следует учитывать все его аспекты. В философско-правовом смысле эта категория по своей сущности и значимости сопоставима с общепризнанными категориями уголовного процесса, в том числе принципами уголовного судопроизводства. С точки зрения теоретико-практического восприятия сегодняшней уголовно-процессуальной действительности волеизъявление обвиняемого конвергирует в один из системообразующих факторов, определяющих сущностные характеристики

российского уголовного судопроизводства. В широком эмпирическом смысле уголовно-процессуальная категория «волеизъявление обвиняемого» отражает уголовно-процессуальную деятельность обвиняемого, направленную на защиту прав, свобод и отстаивание законных интересов при производстве по уголовному делу, основной отличительной чертой которой является влечение в неё субъективно-волевого отношения обвиняемого к происходящему. В узком эмпирическом смысле волеизъявление обвиняемого представляет собой определённое конкретное действие или поведенческий акт, в основе которого лежит сложный волевой процесс, состоящий из двух относительно-самостоятельных, тесно взаимосвязанных этапов: волеобразования (зарождение и формирование воли) и волепроявления (выражение воли вовне).

В психоволевом плане – это психический процесс, обусловленный процессуальными действиями или действиями, могущими вызывать или изменять уголовно-процессуальную деятельность, содержательная часть которого наполнена процессуальным смыслом. При производстве по делу (в практическом плане) волеизъявление обвиняемого выступает как форма, способ, средство проявления личностных свойств и качеств (характеристик) уголовно-преследуемого лица, посредством которых он выражает своё отношение к принимаемым уголовно-процессуальным решениям и осуществляемой в отношении него уголовно-процессуальной деятельности в целях опровержения обвинения (подозрения), защиты и отстаивания своих прав и законных интересов.

В самом широком смысле волеизъявление обвиняемого понимается как любое его ходатайство, жалоба и прочее. При этом процессуально значимым является волеизъявление, выраженное обвиняемым в ходе производства по уголовному делу по поводу осуществляющейся в отношении него уголовно-процессуальной деятельности. По воздействию на уголовно-процессуальную деятельность волеизъявление обвиняемого может выступать в качестве определяющего (волеизъявление обвиняемого первого уровня), учитываемого (волеизъявление обвиняемого второго уровня) или условно-учитываемого (волеизъявление обвиняемого третьего уровня) фактора. Это свойство волеизъявления обвиняемого находится в корреляционной связи с его местом в системе оснований для принятия соответствующего процессуального решения. Оно может выступать в виде основы принимаемого

процессуального решения либо быть одним из элементов (компонентов) оснований принимаемых процессуальных решений. Обоснована необходимость дальнейшего расширения сферы проявления волеизъявления обвиняемого первого уровня, прежде всего, посредством предоставления обвиняемому безусловного права по его ходатайству участвовать в производстве любого следственного действия, затрагивающего его интересы, а также должного обеспечения реализации права обвиняемого по групповым уголовным делам отказаться от суда с участием присяжных заседателей. Расширение сферы проявления волеизъявления обвиняемого второго уровня в ближайшей перспективе видится, в частности, через предоставление обвиняемому права прибегать к помощи защитника, не имеющего статуса адвоката, в рамках предварительного расследования.

При оценке волеизъявления обвиняемого используется *«презумпция правильности волеизъявления обвиняемого»*, суть которой заключается в признании выраженного в волеизъявлении соответствующим подлинным намерениям обвиняемого, его истинной воле. Она может быть опровергнута при установлении, что волеизъявление обвиняемого было вынужденным, вызванным заблуждением, обманом, уговорами, угрозами или иными незаконными мерами воздействия.

В четвёртом параграфе «Волеизъявление обвиняемого в системе уголовно-процессуальной деятельности» определяется суть и место волеизъявления обвиняемого при производстве по уголовному делу. Деятельность обвиняемого, будучи составной частью уголовного судопроизводства, по своей значимости и направленности носит двойственный характер. С одной стороны, – это деятельность, посредством которой обвиняемый выполняет возложенные на него процессуальные обязанности, а также требования властных субъектов, обуславливающие появление у обвиняемого соответствующих процессуальных обязанностей. С другой стороны, – это активная, самостоятельная и инициативная деятельность, посредством которой обвиняемый реализует предоставленные ему права с целью защиты и отстаивания своих законных интересов. Оба эти направления деятельности обвиняемого находятся в одном правовом поле, но если обязывание лишает обвиняемого свободы выбора, возможности действовать в соответствии с собственной волей, то реализация прав зависит от самого обвиняемого, осуществляется под воздействием и при участии его

выраженного психоволевого отношения к осуществляемой уголовно-процессуальной деятельности и собственного интереса по делу. Именно она, будучи сопряжённой с его волеизъявлением, является базовой, превалирующей стороной уголовно-процессуальной деятельности обвиняемого.

В параграфе затрагивается проблема регулирования обязанностей обвиняемого. Отмечается, что он приобретает обязанности в силу прямых указаний закона или требований правоприменителя, обязательных для исполнения (императивный способ), либо в силу обусловленности их возникновения выражением согласия обвиняемого на совершение определенных действий (диспозитивный способ). Обосновывается необходимость закрепления в законе основных обязанностей обвиняемого (сформулированы соответствующие изменения и дополнения уголовно-процессуального закона).

В пятом параграфе *«Системнообусловленная связь категории «волеизъявление обвиняемого» с другими уголовно-процессуальными категориями»* выделяются основные, базовые уголовно-процессуальные категории, охватывающие весь процесс, распространяющиеся на все его стадии или на их большинство, отражаются особенности взаимосвязи исследуемой категории с другими правовыми категориями уголовного процесса.

Волеизъявление обвиняемого изменяет пространственное соотношение и характер взаимосвязи публичных и частных (личных) интересов, затрагиваемых и отстаиваемых при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. То, что раньше было сугубо публичным, в ряде случаев становится либо пограничным (смешанным) либо непосредственно частным делом. Под этим углом зрения происходят соответствующие изменения в механизме уголовно-процессуального регулирования. Волеизъявление обвиняемого, встраиваясь в механизм уголовно-процессуального регулирования, не только само по себе прямо и непосредственно расширяет и усиливает правообеспечительные направленность и деятельность всех других его элементов, но права обвиняемого приобретают инструментальное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность, вследствие чего они обретают государственную (публичную) значимость. В механизме реализации прав и законных интересов личности в уголовном процессе волеизъявление

обвиняемого предстаёт средством, обеспечивающим удовлетворение этих интересов и направляющим выполнение определённого процессуального действия.

В параграфе также прослеживаются связи волеизъявления обвиняемого с другими уголовно-процессуальными категориями. В частности, отражается, что отдельные элементы волеизъявления обвиняемого находят непосредственное выражение в УПК РФ, содержащем нормы, позволяющие ему активно по своему усмотрению действовать в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, влияя на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности. Действует целая система гарантий прав и законных интересов обвиняемого, одной из которых и выступает волеизъявление обвиняемого. Выражая свою позицию по делу, он тем самым защищает свои интересы и отстаивает права. Уголовно-процессуальные принципы обеспечивают реальную возможность обвиняемому высказать свою позицию относительно осуществляемой в отношении него уголовно-процессуальной деятельности.

Вторая глава первого раздела «Виды, формы проявления и реализации волеизъявления обвиняемого в уголовном судопроизводстве» состоит из четырёх параграфов. В первом параграфе «Генезис и механизм формирования волеизъявления обвиняемого в сфере уголовно-процессуальных правоотношений» раскрывается волеизъявление обвиняемого как конкретный поведенческий акт, которому предшествует определённый волевой процесс, состоящий из двух относительно самостоятельных и тесно взаимосвязанных этапов: волеобразования (зарождение и формирование воли) и волепроявления (выражение воли вовне).

Различаются две формы волевого процесса: простой волевой акт и сложный волевой акт. В простом волевом акте побуждение к действию направлено на ясно осознаваемую цель и непосредственно переходит в действие, между побуждением и действием отсутствует сколько-нибудь сложный и длительный сознательный процесс, цель не выходит за пределы конкретной ситуации и достигается привычными действиями. В сложном волевом акте между возникшей целью и действием происходит сложный сознательный процесс, состоящий из прогнозирования последствий, осознания мотивов, принятия решения, определения намерения воплотить действие и подготовки плана его осуществления. В нём выделяются четыре

основных этапа: 1) возникновение побуждения и предварительная постановка цели; 2) стадия обсуждения и борьбы мотивов; 3) решение; 4) исполнение. В параграфе рассматривается каждый из перечисленных этапов, раскрывается их содержание и назначение. Утверждается, что волевое действие обвиняемого всегда сознательно и целенаправленно, его посредством обвиняемый планомерно достигает поставленную цель, подчиняя свои побуждения сознательному контролю и стремясь изменить уголовно-процессуальную действительность в соответствии со своим замыслом. Исходя из этого, определяются основные составляющие волевого действия обвиняемого, которыми являются ясное осознание цели и настойчивость в её достижении. Подчёркивается, что его необходимым элементом выступает сознательное регулирование поведения, результатом чего является осознание последствий.

Автором подвергнуты правовому анализу основные волевые качества личности, демонстрируемые обвиняемым в процессе волеизъявления (целеустремлённость, самостоятельность, решительность, настойчивость, выдержка и самообладание).

Во втором параграфе «*Пространственно-ролевая характеристика волеизъявления обвиняемого и её соотносимость с деятельностью других участников уголовного судопроизводства*» исследуются параметры воздействия волеизъявления обвиняемого на другие аспекты уголовно-процессуальной деятельности, в том числе на деятельность отдельных участников уголовного процесса. В параграфе обосновывается, что волеизъявление обвиняемого расширяет пространство (поле) и повышает роль его участия в уголовно-процессуальной деятельности. Происходит это в связи с расширением его прав, используя которые, он влияет на уголовно-процессуальную деятельность. Одновременно волеизъявление обвиняемого, как инструмент осуществления его намерений, расширяет возможности по реализации принадлежащих ему прав, и достижения в связи с этим благоприятных для него результатов. В зависимости от порядка реализации прав обвиняемого подразделяются на: 1) права, реализация которых зависит исключительно от собственного поведения обвиняемого (*право-поведение*), 2) права, при требовании реализации которых они должны быть удовлетворены правоприменителем (*право-требование*), 3) права, реализация которых зависит от усмотрения правоприменителя (*право-притязание*).

Кроме этого, в определённых случаях реализация прав обвиняемого возможна вопреки его желанию, например, в случаях обязательного назначения защитника (ч. 1 ст. 51 УПК РФ), когда отказ от защитника не влечёт правовых последствий (ч. 2 ст. 52 УПК РФ), даже если обвиняемый способен самостоятельно принимать решения и намерен лично осуществлять защиту, что неприемлемо, исходя из природы субъективного права, которая обусловлена, прежде всего, личным отношением к его реализации правообладателя.

Возможности в реализации прав расширяют пространственное воздействие обвиняемого на всю уголовно-процессуальную деятельность. Достигается это посредством взаимодействия обвиняемого с другими участниками уголовного процесса. Действия обвиняемого по реализации своих прав активизируют деятельность правоприменителя, прежде всего, со стороны обвинения (вынуждают представлять дополнительные доказательства, опровергать его доводы), а также соотносятся с деятельностью других участников процесса (потерпевший, свидетель), в результате чего между ними происходит либо позиционная борьба (оспаривание показаний), либо согласование намерений (примирение). У обвиняемого появились возможности активно воздействовать на уголовно-процессуальную деятельность.

Так, волеизъявление обвиняемого, направленное на реализацию принадлежащего ему права, по своему характеру может быть правообязывающим, подлежащем исполнению независимо от позиции правоприменителя, и зависящим от усмотрения («разрешения») правоприменителя, исполнение которого обуславливается двумя критериями: объективным (предопределяется прямыми предписаниями закона) и субъективным (определяется усмотрением правоприменителя). Отстаивается позиция, что реализация волеизъявления обвиняемого не должна зависеть от личного усмотрения правоприменителя. В частности, обвиняемому по его ходатайству, независимо от мнения правоприменителя, должна предоставляться реальная возможность участвовать в производстве любого следственного действия, затрагивающего его интересы. И не только ему, но и его защитнику и законному представителю. В этой связи предлагается внести изменения в п. 10 ч. 4 ст. 47 и п. 9 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ УПК РФ, исключив из них фразу «с разрешения следователя или дознавателя». Также

обосновывается необходимость распространения правила ч. 4 ст. 173 УПК РФ в отношении подозреваемого (сформулированы соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон).

Кроме этого в параграфе исследуются возможности урегулирования конфликтных ситуаций, когда намерения обвиняемого и другого обвиняемого или иного вовлекаемого участника уголовного процесса, направленные на разрешение одного и того же вопроса, не совпадают. В частности, возникает конфликт между законными интересами обвиняемых по групповому преступлению при выражении ими своего намерения относительно рассмотрения уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей. Обосновывается необходимость равнозначного законодательного обеспечения права каждого из них путём обязательного разделения уголовного дела на два производства в тех случаях, когда одна часть обвиняемых ходатайствует о рассмотрении их дела судом с участием присяжных заседателей, а другая часть возражает против этого. В этой связи предлагается внести ряд изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон. Ввиду остроты проблемы столкновения законных интересов обвиняемого и свидетеля по вопросу назначения и производства судебной экспертизы в отношении последнего, обосновывается необходимость закрепления в законе возможности производства судебной экспертизы в отношении свидетеля без его согласия в исключительных случаях, когда возникают сомнения в способности свидетеля правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания (сформулированы соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон).

В третьем параграфе «Классификация волеизъявления обвиняемого в уголовном судопроизводстве» раскрывается многообразие видов волеизъявления обвиняемого как психофизиологического поведенческого акта, в котором проявляется его реакция на правовую действительность.

Исходя из того, кто его инициирует, волеизъявление обвиняемого выражается либо по собственной инициативе вне зависимости от действий и решений других лиц (самопроявляемое или личноинициируемое), либо в связи с действиями иных субъектов процесса: представителей стороны защиты (защитник, законный представитель), стороны обвинения (потерпевший, должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство), а также деятельностью лиц, так или иначе связанных с обвиняемым, но не

являющихся участниками уголовного судопроизводства, например, друзья, коллеги, родители (обусловленное волеизъявление).

С точки зрения действующего законодательства волеизъявление обвиняемого может быть выражено в разнообразных нормативно определяемых формах (заявление, ходатайство, просьба и пр.). Это загромождает текст уголовно-процессуального закона и создаёт сложности в правоприменительной деятельности. Все процессуальные разновидности волеизъявления обвиняемого, как способа проявления им своего мнения в отношениях с должностными лицами, ведущими процесс, следует преобразовать по основному содержательному признаку в два вида и обозначить волеизъявление обвиняемого, направленное на реализацию принадлежащих ему прав, ходатайством, а волеизъявление обвиняемого, нацеленное на восстановление нарушенного права или на пересмотр процессуального решения, жалобой.

По способу выражения, то есть в зависимости от того, как доведено до правоприменителя, волеизъявление обвиняемого может быть:

- а) выраженным лично, непосредственно самим обвиняемым;
- б) представленным при помощи посредника, когда результат выраженного волеизъявления обвиняемого передаётся лицу, ведущему производство по уголовному делу, через посредника при осуществлении им своих полномочий, направленных на защиту прав и законных интересов представляемого лица (например, защитника или законного представителя).

Кроме этого, волеизъявление обвиняемого различается по форме изъяснения (в какой форме доведено до правоприменителя), и может быть устным, письменным или конклюдентным; в зависимости от процессуального статуса субъекта, от которого исходит, и можно говорить о волеизъявлении подозреваемого и волеизъявлении обвиняемого (подсудимого, осуждённого, оправданного); по отраслевому признаку на имеющее чисто процессуальное значение (процедурное) и имеющее процессуальное и материальное значение (смешанное); в зависимости от соблюдения норм уголовно-процессуального права и может быть правомерным, противоправным или выражаться в злоупотреблении правом на защиту; в зависимости от активности обвиняемого в уголовно-процессуальной деятельности и может быть положительным (совершение определённых действий, направленных на реализацию выраженного

волеизъявления) либо отрицательным (содержанием выступает бездействие). В параграфе содержится обоснование выделения критериев классификации, даётся краткая характеристика каждого из перечисленных видов волеизъявления обвиняемого, проводится их исследование, делаются определённые выводы.

В четвёртом параграфе «Формы реализации волеизъявления обвиняемого в уголовном процессе» представлена классификация форм практической реализации волеизъявления обвиняемого с учётом субъектного состава уголовно-процессуальных правоотношений.

Наиболее распространено единоличное волеизъявление обвиняемого, порождающее возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений, приводящих к юридически значимым последствиям. Оно имеет характер прямого действия и приводит в движение соответствующие механизмы напрямую. Его проявления достаточно, чтобы было принято просимое решение или проведено желаемое процессуальное действие. Однако в ряде случаев для наступления ожидаемых последствий, волеизъявление обвиняемого должно сочетаться с отношением к этому вопросу другого участника или других участников уголовного судопроизводства. С точки зрения субъектного состава уголовно-процессуальных правоотношений практическая реализация волеизъявления обвиняемого выражается в следующих формах: а) единоличном проявлении, б) согласовании в различных вариантах. Согласование как форма реализации волеизъявления обвиняемого носит комбинационный характер, и в зависимости от количества субъектов комбинации могут быть а) двухсубъектными (парными) и б) многосубъектными (трёх-, четырёх-, ...субъектными).

Второй раздел **«Диалектика связи и соотношения волеизъявления обвиняемого с основными началами уголовного судопроизводства»** состоит из четырёх глав. В *первой главе «Общая характеристика связи волеизъявления обвиняемого с принципами уголовного судопроизводства»* исследованы характер и внутренние сущностные связи, механизм взаимодействия этих правовых явлений. Обосновывается, что взаимодействие указанных правовых явлений, обусловлено, прежде всего, назначением уголовного судопроизводства. Оно упорядочивает процессуально-правовое пространство, в котором деятельность должностных

лиц осуществляется в режиме взаимосочетания волеизъявления обвиняемого и требований, вытекающих из уголовно-процессуальных принципов. Выражая своё отношение к принятому решению или производству конкретного процессуального действия, обвиняемый противостоит, прежде всего, должностным лицам, ведущим процесс, а также открывает простор для деятельности своего защитника, что также обусловлено принципами уголовного процесса. Волеизъявление обвиняемого развивается, укрепляется и постепенно получает признание в законе на фоне действия принципов. Вне принципов теряется значимость содержания мнения обвиняемого относительно производства по делу, поскольку нет среды, позволяющей обвиняемому сформировать своё волеизъявление и реализовать его.

Диалектический характер связей волеизъявления обвиняемого с принципами уголовного судопроизводства сказывается на уголовно-процессуальной характеристике последних. В зависимости от характера взаимодействия с волеизъявлением обвиняемого они подразделяются на: - принципы, формирующие пространство и определяющие среду, где волеизъявление обвиняемого приобретает должную процессуальную значимость; - принципы, создающие условия для реализации волеизъявления обвиняемого; - принципы, обеспечивающие охрану прав и свобод обвиняемого.

Отмечается, что взаимная зависимость между волеизъявлением обвиняемого и принципами уголовного процесса, их внутренними сущностными элементами может быть прямой (однозначно обусловленной) или опосредованной (косвенной). Обращается внимание на то, что наиболее полно и системно взаимодействие указанных правовых явлений происходит на этапе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела и при реагировании им на итоговое процессуальное решение, прежде всего судебное, когда взаимодействие его волеизъявления прослеживается со всеми принципами уголовного процесса одновременно.

Вторая глава второго раздела «Публичность уголовного судопроизводства и волеизъявление обвиняемого: взаимосвязь и взаимопроникновение» состоит из двух параграфов. В первом параграфе *«Историческая характеристика публичности российского уголовного судопроизводства и учёта волеизъявления обвиняемого при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности»* представлен ретроспективный

анализ учёта волеизъявления обвиняемого в публичном уголовном судопроизводстве. Проанализировав дореволюционное, советское и современное уголовно-процессуальное законодательство, диссертант выделяет три основных этапа исторического развития влияния личности обвиняемого и его волеизъявления на уголовно-процессуальную деятельность.

I этап – с древних времён до судебной реформы 60-х гг. XIX в. Изначально личность лица, обвиняемого в совершении преступления, поглощалась государственным, публичным началом. Уголовный процесс представлял собой безличностное производство. Обвиняемый расценивался как объект расследования, его права и интересы не предполагались, не рассматривались как ценность, о волеизъявлении обвиняемого как факторе, влияющем на движение уголовного процесса, вообще речи не могло быть.

II этап – с судебной реформы 60-х гг. XIX в. до окончания советского периода. При признании основополагающим государственным, публичного начала уголовного судопроизводства личность получила определённые права, позволявшие ей отстаивать свои интересы при производстве по уголовному делу. Обвиняемый стал субъектом уголовного судопроизводства. Он не просто наделялся правами, его права и участие в процессе обеспечивались лицами, осуществлявшими уголовное преследование. Начиная с Судебной реформы 1864 г., уголовный процесс в определённой мере стал «очеловечиваться», разворачиваться к личности.

III этап – постсоветский период развития отечественного уголовного процесса. Обвиняемый не просто признаётся участником процесса, а становится субъектом, активно влияющим на уголовно-процессуальную деятельность, в том числе определяющим форму уголовного процесса.

Во втором параграфе «Место и роль волеизъявления обвиняемого в системе публичной уголовно-процессуальной деятельности» раскрывается взаимодействие волеизъявления обвиняемого и принципа публичности уголовного судопроизводства. Диссертант исходит из того, что, несмотря на отсутствие чёткого законодательного закрепления, основой современного уголовного процесса выступает принцип публичности. Отмечается, что в настоящее время происходит его стремительная эволюция, он структурно и содержательно видоизменяется. Его обновление происходит в направлении признания развития свободы личности в уголовном судопроизводстве, учёта

её мнения и, в частности, акцентирования внимания на личности обвиняемого. Примером «нового» взаимодействия волеизъявления участников процесса и публичности в современном уголовном судопроизводстве является применение института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Практика идёт по пути более широкого использования этого института, в частности, при рассмотрении уголовных дел по обвинению лиц в хищениях и в совершении двуобъектных преступлений, основным объектом которых служит государственный интерес¹.

Диалектика требований принципа публичности и волеизъявления обвиняемого достаточно ярко проявляется также при получении в предусмотренных законом случаях согласия обвиняемого на принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий. В работе раскрывается понятие согласия обвиняемого, выделяются его разновидности (*согласие-разрешение, согласие-одобрение, согласие-готовность*). Отмечается, что согласие обвиняемого в зависимости от роли и значимости во взаимоотношениях обвиняемого с правоприменителем, от пределов влияния на принимаемое решение может быть единственным условием законности производства следственного действия или принятия процессуального решения либо выступать в качестве одного из предусмотренных в законе условий.

Кроме этого, под углом зрения влияния волеизъявления обвиняемого затрагивается проблема отмены итогового судебного решения, вынесенного в отношении заочно осуждённого (сформулированы соответствующие коррективы действующего уголовно-процессуального закона).

Внедрение в уголовное судопроизводство особых порядков, где основные публичные решения зависят от желания обвиняемого, изменило соотношение публичности и учёта мнения личности, расширило пространство, в пределах которого наиболее активно проявляется волеизъявление обвиняемого. Прослеживается тенденция развития такого процесса на всё уголовное судопроизводство. Принцип публичности предлагается легализовать в отдельной статье, отражающей сочетание публичного начала

¹ Такие выводы основаны на анализе обобщения практики применения ст. 25 УПК РФ судами г. Ставрополя и г. Саратова за период 2010-2018 гг., а также опубликованной судебной практики за указанный период.

уголовного судопроизводства с пространственной распространённостью волеизъявления участников уголовного процесса, прежде всего обвиняемого.

Третья глава второго раздела «Право на защиту и волеизъявление обвиняемого: диалектика их взаимосвязи» состоит из четырёх параграфов. В первом параграфе «Право обвиняемого на защиту и его волеизъявление: вопросы взаимодействия» раскрывается механизм реализации принципа обеспечения права на защиту, в котором волеизъявление обвиняемого выступает одним из его структурных элементов. Автор исходит из того, что действенная и эффективная реализация принципа обеспечения права на защиту возможна только в условиях должного учёта волеизъявления обвиняемого. Корреляционно-обеспечительная связь проявления обвиняемым своего отношения к уголовно-процессуальной деятельности с его правом на защиту обуславливает необходимость трактовки указанного принципа в обязательном согласовании с волеизъявлением обвиняемого. Отступление от этой связи, ведущее к ограничению волеизъявления обвиняемого, допустимо только в двух случаях: когда волеизъявление обвиняемого является противоправным и представляет собой злоупотребление правом на защиту.

Исследовано существующее разнообразие корреляционных взаимодействий обеспечения права на защиту и волеизъявления обвиняемого. Видами корреляционного многообразия связей элементов указанных правовых явлений выступают: 1) согласование обеспечения права на защиту и волеизъявления обвиняемого; 2) ограничение проявления волеизъявления обвиняемого по вопросу обеспечения права на защиту. Выявлена тенденция, когда на практике в целях упрощения процесса и создания более благоприятной обстановки для производства предварительного расследования и судебного разбирательства, правоприменители отдают предпочтение мерам, ограничивающим волеизъявление обвиняемого (назначается против его воли защитник, не принимается отказ обвиняемого от неудобного ему защитника и т.д.). Разрешение этой проблемы видится в придании первостепенной значимости при решении подобного рода вопросов волеизъявлению обвиняемого. В связи с этим предлагается внести в закон соответствующие изменения и дополнения.

Второй параграф «Видовые особенности волеизъявления обвиняемого при использовании им права на помощь защитника и их трактовка в правоприменении» посвящён анализу результатов обобщения практики по

вопросам видového разнообразия волеизъявления обвиняемого при использовании им права на помощь защитника. Формулируются рекомендации по совершенствованию практики применения законодательства, регламентирующего обеспечение права обвиняемого пользоваться помощью защитника при производстве по уголовным делам. В частности, обращается внимание на негативные последствия защит по назначению, количество которых в настоящее время составляет 80-85 %. Существующая ныне процедура, когда при вступлении в дело адвоката, назначаемого в качестве защитника, правоприменитель заручается согласием на это обвиняемого, представляется формальной, не гарантирующей качество защиты. Обвиняемый соглашается на помощь назначаемого защитника, не имея сведений о его профессиональной репутации. Участились случаи жалоб обвиняемых на бездействие своих защитников по назначению и отказа от их помощи по этому основанию. Обосновывается мнение, что при поступлении подобных обращений от обвиняемого правоприменители должны реагировать на них в каждом случае и по существу. Разработан порядок реагирования судом на бездействие адвоката-защитника в судебном производстве, который видится преградой для формального участия в процессе адвокатов, не обладающих достаточными профессиональными знаниями или не желающих добросовестно выполнять свои обязанности. В качестве мер воздействия к таким адвокатам предлагается предусмотреть официальное предупреждение и замену защитника по назначению с внесением соответствующего постановления (определения) в адвокатскую палату.

Третий параграф *«Проблема реализации обвиняемым права на субсидиарного защитника»* отражает законодательные и практические проблемы вовлечения в уголовное судопроизводство субсидиарного защитника. Обоснованно критикуется сложившаяся практика недопуска субсидиарного защитника на следствии (дознании), ограничивающая право обвиняемого на выбор защитника. Предлагается нормативно закрепить право обвиняемого пользоваться помощью защитника, не имеющего статуса адвоката, в ходе досудебного производства, предусмотрев механизм его реализации; отнести решение данного вопроса к компетенции лица, расследующего уголовно дело, а не прокурора, как предлагается авторами

соответствующего законопроекта¹.

Отрицается в качестве превалирующего, обязательного условия для субсидиарного защитника наличие юридического образования. Особенность субсидиарной защиты состоит в том, что субсидиарный защитник по общему правилу (за исключением производства у мирового судьи) не единственный субъект, осуществляющий защиту. Основная обязанность по защите лежит на адвокате-защитнике, а обязанность субсидиарного защитника по защите от обвинения (подозрения) является вспомогательной. Задачи субсидиарного защитника в процессе специфичны, в большинстве своём носят личный характер, основанный на близких и доверительных связях с обвиняемым. Они полностью не совпадают с задачами адвоката-защитника. Отмечается, что деятельность субсидиарного защитника в процессе носит двойственный характер: 1) оказание правовой помощи обвиняемому; 2) создание условий, позволяющих на более доверительной основе осуществлять деятельность по оказанию правовой помощи обвиняемому, что способствует более эффективной защите.

Возможность пользоваться помощью субсидиарного защитника – это право обвиняемого, который вправе самостоятельно решать, необходим ему защитник, не имеющий статуса адвоката, или нет, а если необходим, то вправе выбирать того, кого считает нужным. Решение о допуске такого лица в качестве защитника – формальное решение о введении нового участника процесса. К нему применимы обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу, в том числе обстоятельства, препятствующие по объективным причинам или личным качествам участвовать в процессе в качестве защитника (имеет судимость, прикован к постели). Кроме этого, основанием недопуска лица в качестве субсидиарного защитника должно являться намерение обвиняемого использовать данное право и пригласить субсидиарного защитника не для оказания правовой помощи, а для иных целей.

В четвёртом параграфе «Злоупотребление правом на защиту» дано расширенное определение злоупотребления правом с учётом проведённых

¹ См.: О внесении изменений в ст. 49 УПК РФ (о лицах, которые могут быть допущены в качестве защитников подозреваемых, обвиняемых в досудебном производстве): проект закона № 434710-7. URL: <http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Zakonoproekty-na-rassmotrenii> (дата обращения: 15.08.2018).

ранее научных исследований и практического взгляда на это явление. В чистом виде злоупотребление правом на защиту – это выход за пределы разрешённого поведения, то есть явно недобросовестное использование обвиняемым предоставленных ему прав (сверх разрешённых пределов или посредством неразрешённых законом средств и способов), влекущее нарушение законных интересов, прав и свобод других участников уголовного процесса, уголовного судопроизводства в целом.

Диссертант разделяет мнение других учёных (О.В. Желева, С.М. Даровских, О.И. Даровских), что злоупотребление правом не является ни правомерным поведением, ни правонарушением, а выступает особым самостоятельным видом правового поведения. Оно начинается как правомерное, на первоначальном этапе находясь в рамках закона, ориентируется на нормы права, но его результаты выходят за рамки правовых предписаний. Это особая форма реализации права, представляющая собой всегда волевое, умышленное, целенаправленное и недобросовестное деяние, характеризующаяся прямой или косвенной предустановкой на причинение вреда другим участникам правоотношений и влекущая для них негативные последствия. В отдельных случаях злоупотребление правом на защиту может приближаться к правонарушению, выражаясь в самой грубой форме.

С позиций сегодняшнего состояния развития российского общества, уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики обоснована несвоевременность законодательного закрепления положений о злоупотреблении правом и запрета злоупотребления правом со стороны защиты. Введение в закон таких положений может вызвать обратную реакцию – злоупотребление полномочиями должностных лиц со стороны обвинения при построении своей деятельности по отношению к правам обвиняемого и его защитника.

Разграничивается намеренное, в отдельных случаях целенаправленное (умышленное), злоупотребление правом на защиту обвиняемого и его заблуждение при реализации права на защиту. Обосновывается, что неправильное толкование, непонимание обвиняемым объёма предоставленного ему права исключает трактовку его деятельности как злоупотребление правом. Настойчивость обвиняемого в отстаивании своей позиции саму по себе также нельзя считать злоупотреблением правом (это не

только разрешено законом, но и нередко обосновано нечёткостью, объёмностью предусматриваемого законом основания). Указывается, что в каждом таком случае правоприменителю необходимо реагировать на них индивидуально, исходя из обстоятельств конкретного дела и учитывая их обоснование и мотивированность. В ходе исследования также был рассмотрен механизм реагирования правоприменителя на злоупотребление правом на защиту.

Четвёртая глава второго раздела «Специфика взаимосвязей волеизъявления обвиняемого с другими принципами уголовного судопроизводства, проецируемыми на личность, защиту её прав, свобод и законных интересов» состоит из трёх параграфов. В первом параграфе «Взаимодействие волеизъявления обвиняемого и принципов законности и процессуальной экономики» рассматривается соотношение и связь требований указанных принципов с волеизъявлением обвиняемого. Активная деятельность обвиняемого при производстве по уголовному делу способствует достижению законности уголовного судопроизводства. При нарушении требований указанного принципа у обвиняемого есть предусмотренные УПК РФ возможности исправить данную ситуацию посредством выражения своего отношения к проведённому процессуальному действию или принятому процессуальному решению, обжаловать его с целью устранения допущенных нарушений закона.

Для правоприменителя требование законности исключает возможность произвольного усмотрения при разрешении поступивших от обвиняемого обращений, ограничения или лишения возможности обвиняемого реализовать своё право заявлять ходатайства или подавать жалобы. Принцип законности в этом аспекте обязывает правоприменителя действовать в интересах обвиняемого, устанавливая для властных субъектов уголовного судопроизводства требования скрупулёзно следовать процессуальной форме, точно применять уголовно-процессуальные нормы, действовать исключительно в соответствии с предоставленными процессуальными полномочиями.

Законность уголовного судопроизводства и волеизъявление обвиняемого диалектически взаимосвязаны с началом процессуальной экономики, цели которого достигаются посредством действия в уголовном процессе упрощённых производств, основанных на положительном

волеизъявлении обвиняемого. Среди практических работников большинство опрошенных судей, прокуроров, сотрудников органов расследования и адвокатов (72 %) одобряют существование особых порядков, считая их более эффективными и результативными. Судя по опубликованным статистическим данным и результатам обобщения судебной практики, сами обвиняемые весьма положительно относятся к упрощённым производствам (стабильно в последние годы ≈ 70 % уголовных дел рассматривается в особом порядке)¹. Вместе с тем, в работе указывается на нецелесообразность распространения такого порядка судебного разбирательства на уголовные дела о тяжких преступлениях², разрешение которых требует высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия, возможных только в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств. Поддерживается инициатива Верховного Суда РФ об исключении возможности применения особого порядка судебного разбирательства по делам о тяжких преступлениях³. В целях более эффективного применения гл. 40 УПК РФ обосновывается и предлагается распространить возможность реализации обвиняемым права ходатайствовать о рассмотрении его дела в особом порядке на подготовительную часть судебного разбирательства.

Кроме того, обращается внимание на недопустимость придания понятию «исследование доказательств» нового наполнения (А.В. Кудрявцева). Обосновывается вывод о том, что по уголовным делам, расследование которых проводилось в сокращённой форме дознания, предмет и пределы исследования в суде должны быть сохранены в рамках обвинительного постановления, а понятие «исследование доказательств», употребляемое в ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ, должно трактовать исключительно в

¹ См.: Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2015, 2016, 2017, 2018 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05.2019).

² По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 г. в порядке гл. 40 УПК РФ рассмотрены уголовные дела о тяжких преступлениях в отношении 84 тыс. лиц – это 58% от общего числа обвиняемых в тяжких преступлениях. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=183258#028589188745636185> (дата обращения: 13.08.2019).

³ См.: О внесении изменений в статьи 314 и 316 УПК РФ: проект федер. закона (подготовлен Верховным Судом РФ) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.04.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=183258#028589188745636185> (дата обращения: 13.08.2019).

классическом его содержании, как гласное, непосредственное изучение доказательств с участием сторон в состязательном процессе.

Во втором параграфе «Состязательность и язык уголовного судопроизводства, их взаимосвязь с волеизъявлением обвиняемого» рассматривается роль волеизъявления обвиняемого в механизме реализации принципа состязательности уголовного судопроизводства, при взаимодействии с которым волеизъявление обвиняемого одновременно взаимодействует и с принципом языка уголовного судопроизводства. Подчёркивается, что обвиняемый, действуя в рамках состязательного начала, может эффективно отстаивать свою позицию, защищать свои права и законные интересы в процессе, только если владеет языком уголовного судопроизводства или ему должным образом обеспечивается право пользоваться тем языком, которым он владеет.

Утверждается, что, выступая в качестве основного средства и способа формирования и отстаивания обвиняемым своей позиции по уголовному делу, защиты им своих прав и законных интересов, волеизъявление обвиняемого расширяет границы и обогащает сущностные характеристики принципа состязательности. В состязательном начале актуализируется и возрастает значимость требования равенства сторон, в котором на первое место выступает не формальное равенство в правах, а равнообеспечительные возможности реализации этих прав. Из чего вытекает, что волеизъявление обвиняемого и заявления стороны обвинения и приводимые ими доводы по вопросам судопроизводства должны влечь однопорядковые процессуальные решения суда и других правоприменителей.

Отмечается, что в системе рассматриваемых взаимоотношений волеизъявление обвиняемого выступает в качестве одного из основных средств защитительной деятельности обвиняемого (реализации функции защиты), а также способом реагирования обвиняемым на деятельность стороны обвинения и действия и решения суда. Обвиняемый в условиях состязательности активизирует доказательственный процесс, способствуя тем самым установлению истины по делу. Вместе с тем, в настоящее время он не собирает доказательства, а лишь участвует в их собирании. Отстаивается позиция, согласно которой обвиняемый должен быть наделён правом самостоятельно или с помощью адвоката, частного детектива, законного представителя собирать доказательства, которые бы принимались и

приобщались к делу независимо от усмотрения правоприменителя и имели равную юридическую силу с доказательствами, собранными и принятыми стороной обвинения.

С позиций взаимодействия принципа состязательности и волеизъявления обвиняемого рассмотрена ситуация, складывающаяся при отказе государственного обвинителя от обвинения в судебном разбирательстве. Критикуется существующая ныне нормативная регламентация данного вопроса, предписывающая обязательность прекращения уголовного дела судом. Обосновывается целесообразность в подобных случаях завершать производство по делу вынесением оправдательного приговора. Разработаны соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ. Выявлены проблемы, возникающие на практике при обеспечении права обвиняемого на оспаривание показаний, свидетельствующих против него лиц, несмотря на то, что нормативно отечественное законодательство и его официальное толкование в полной мере гарантирует надлежащее обеспечение этого права обвиняемого. Разработан механизм реализации права обвиняемого на оспаривание в досудебном производстве, для его внедрения в практическую деятельность предлагаются соответствующие изменения и дополнения в уголовно-процессуальный закон.

В третьем параграфе «Взаимосвязь волеизъявления обвиняемого и иных принципов, обеспечивающих его права и свободы» рассматриваются теоретические основы и правоприменительные связи волеизъявления обвиняемого с отдельными уголовно-процессуальными принципами. В частности, раскрывается взаимодействие волеизъявления обвиняемого и принципа презумпции невиновности на примере реализации обвиняемым права заявить об имеющемся у него алиби после рассмотрения уголовного дела судом в порядке гл. 40 УПК РФ. Указывается, что волеизъявление обвиняемого приводит в действие базовые требования уголовного судопроизводства о недопущении незаконного осуждения человека, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, несмотря на прописанный в законе запрет обжалования таких приговоров за несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции (ст. 317 УПК РФ).

В связи с остротой проблемы рассматривается взаимодействие

волеизъявления обвиняемого и принципа разумного срока уголовного судопроизводства, которое проявляется, прежде всего, в рамках предусмотренного действующим законодательством компенсационного механизма, применяемого в случаях нарушения права обвиняемого на разумный срок уголовного судопроизводства. Установлено, что волеизъявление обвиняемого здесь ограничено двумя критериями: объёмом требований (обвиняемый не вправе требовать присуждения компенсации за нарушение сроков рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора) и сроками (по истечении 4 лет с момента начала уголовного преследования до окончания уголовного судопроизводства). Высказано мнение, что вопрос о разумности срока уголовного преследования должен решаться в каждом случае индивидуально, исходя из обстоятельств данного уголовного дела, какие-либо ограничения по срокам не уместны и должны быть исключены. Недостатком действующего уголовно-процессуального закона видится также несогласованность в определении начального момента исчисления разумного срока уголовного судопроизводства (ч. 3 и 3.1 ст. 6.1 УПК РФ). В целях единообразного и правильного понимания и применения закона предлагается на законодательном уровне единообразно определить начало исчисления разумного срока уголовного судопроизводства с момента поступления сообщения о преступлении.

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования и определяются перспективы дальнейшей разработки темы.

В приложениях приводятся проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и результаты анкетирования судей, работников прокуратуры, сотрудников органов предварительного расследования и адвокатов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Артамонова, Е.А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.А. Артамонова. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 336 с. (21 а.л.).

2. Артамонова, Е.А. Частное начало в современном уголовном процессе: основные формы проявления [Текст] / Е.А. Артамонова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 200 с. (12,5 а.л.).

3. Артамонова, Е.А. Проблемы современного доказывания по уголовным делам [Текст] / Е.А. Артамонова, О.В. Фирсов. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 187 с. (10,9 а.л. / 9,9 а.л.).

Научные статьи, опубликованные в изданиях,

входящих в международные реферативные базы и системы цитирования

4. Artamonova, E.A. Place and role of the will of the accused in an adversarial system criminal proceedings (*Место и роль волеизъявления обвиняемого в состязательной системе уголовного судопроизводства*) / E.A. Artamonova, V.M. Kornukov // Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores. – 2019. – Year VII. – Special Edition. – Artículo no.: 87. – P. 1-13. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/en/edici%e2%99%80n-2013/year-vii-special-edition-october-2019/> (0,4/0,2 а.л.). *Web of Science*. WOS: 000488629200087.

5. Артамонова, Е.А. А нужен ли на следствии защитник-неадвокат? [Текст] / Е.А. Артамонова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3. – С. 60-68 (0,5 а.л.). *Web of Science*. DOI 10.17223/22253513/33/6.

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,

включённых в перечень ВАК при Министерстве науки

и высшего образования Российской Федерации

6. Артамонова, Е.А. О правовом значении волеизъявления сторон по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский следователь. – 2019. – № 12. – С. 48-50 (0,2 а.л.).

7. Артамонова, Е.А. О мерах реагирования на бездеятельность защитника по назначению [Текст] / Е.А. Артамонова // Адвокатская

практика. – 2019. – № 5. – С. 3-6 (0,2 а.л.).

8. Артамонова, Е.А. Общая характеристика взаимосвязи волеизъявления обвиняемого и уголовно-процессуальных принципов [Текст] / Е.А. Артамонова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 167-172 (0,5 а.л.).

9. Артамонова, Е.А. Волеизъявление обвиняемого в системе факторов, определяющих подсудность уголовного дела [Текст] / Е.А. Артамонова, В.М. Корнуков // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 2. – С. 31-35 (0,4/0,2 а.л.).

10. Артамонова, Е.А. О соразмерности затрагиваемых правовых интересов обвиняемого и свидетеля при принятии решения о производстве судебной экспертизы в отношении последнего [Текст] / Е.А. Артамонова // Адвокатская практика. – 2019. – № 2. – С. 27-30 (0, 25 а.л.).

11. Артамонова, Е.А. Взаимосвязь волеизъявления обвиняемого и принципа презумпции невиновности [Текст] / Е.А. Артамонова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 97-102 (0,3 а.л.).

12. Артамонова, Е.А. О формах реализации волеизъявления обвиняемого в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.А. Артамонова // Гуманитарные и юридические исследования – 2018. – № 4. – С. 146-151 (0,6 а.л.).

13. Артамонова, Е.А. Очная ставка и право обвиняемого на оспаривание [Текст] / Е.А. Артамонова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 1 (30). – С. 9-16 (0,5 а.л.).

14. Артамонова, Е.А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский судья. – 2017. – № 9. – С. 24-27 (0,35 а.л.).

15. Артамонова, Е.А. Изъявление обвиняемым (подозреваемым) желания на изменение процессуальной формы – первый шаг к существенному снижению наказания [Текст] / Е.А. Артамонова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 1 (24). – С. 60-63 (0,25 а.л.).

16. Артамонова, Е.А. О волеизъявлении обвиняемого (подозреваемого) на изменение процессуальной формы [Текст] / Е.А. Артамонова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 23-30 (0,25 а.л.).

17. Артамонова, Е.А. Об усилении влияния обвиняемого на процесс принятия в отношении него решений [Текст] / Е.А. Артамонова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5 (22). – С. 212-216 (0,25 а.л.).

18. Артамонова, Е.А. Значение волеизъявления обвиняемого и (или) подозреваемого для принятия решения о дальнейшем производстве по уголовному делу в особом порядке [Текст] / Е.А. Артамонова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1. – С. 118-125 (0,5 а.л.).

19. Артамонова, Е.А. Проблемы применения института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон [Текст] / Е.А. Артамонова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3 (14). – С. 214-224 (0,95 а.л.).

20. Артамонова, Е.А. Проблемы доказывания при производстве дознания в сокращённой форме [Текст] / Е.А. Артамонова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2014. – № 11-2 (122). – С. 39-45 (0,45 а.л.).

21. Артамонова, Е.А. О соблюдении прав потерпевшего при принятии решения о производстве дознания в сокращённой форме [Текст] / Е.А. Артамонова // Юридические исследования. – 2013. – № 2. – С. 39-42 (0,25 а.л.).

22. Артамонова, Е.А. Процедура получения заключения медицинского освидетельствования несовершеннолетнего обвиняемого как частный случай появления в уголовном деле заключения специалиста [Текст] / Е.А. Артамонова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2013. – № 3. – С. 8-11 (0,25 а.л.).

23. Артамонова, Е.А. О правомерности выделения публично-частного обвинения [Текст] / Е.А. Артамонова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4 (9). – С. 125-129 (0,25 а.л.).

24. Артамонова, Е.А. Процедура получения заключения медицинского освидетельствования несовершеннолетнего обвиняемого как частный случай появления в уголовном деле заключения специалиста [Текст] / Е.А. Артамонова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – № 5 (38). – С. 214-217 (0,25 а.л.).

25. Артамонова, Е.А. Отдельные проблемы производства допроса свидетеля и потерпевшего путём использования систем видеоконференц-связи в современном уголовном процессе [Текст] / Е.А. Артамонова //

Администратор суда. – 2012. – № 1. – С. 14-17 (0,25 а.л.).

26. Артамонова, Е.А. Надлежащий повод для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы теории и практики [Текст] / Е.А. Артамонова, В.Г. Конюков // Налоги-журнал. – 2012. – № 3. – С. 2-5 (0,3/0,2 а.л.).

27. Артамонова, Е.А. Согласие обвинителя и потерпевшего – обязательное условие рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский следователь. – 2012. – № 12. – С. 17-19 (0,35 а.л.).

28. Артамонова, Е.А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский судья. – 2011. – № 1. – С. 40-43 (0,25 а.л.).

29. Артамонова, Е.А. Кто должен разъяснять обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст] / Е.А. Артамонова // Российский следователь. – 2011. – № 2. – С. 8-10 (0,3 а.л.).

30. Артамонова, Е.А. Права потерпевшего и права обвиняемого в уголовном судопроизводстве должны быть сбалансированы [Текст] / Е.А. Артамонова // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 47-50 (0,25 а.л.).

31. Артамонова, Е.А. Становление частного начала в дореволюционном российском уголовном процессе [Текст] / Е.А. Артамонова // История государства и права. – 2010. – № 11. – С. 4-7 (0,3 а.л.).

32. Артамонова, Е.А. Ещё раз об особенностях упрощённого судебного производства по уголовным делам [Текст] / Е.А. Артамонова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2009. – № 1 (2). – С. 16-21 (0,3 а.л.).

33. Артамонова, Е.А. Установление объективной истины в уголовном судопроизводстве как насущная необходимость [Текст] / Е.А. Артамонова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – № 5 (56). – С. 78-83 (0,2 а.л.).

34. Артамонова, Е.А. Проявление частного начала при прекращении уголовного дела публичного обвинения [Текст] / Е.А. Артамонова // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2001. – № 3 (26). – С. 31-33 (0,2 а.л.).

Другие научные публикации

35. Артамонова, Е.А. Роль и значение волеизъявления обвиняемого при определении формы осуществления правосудия по уголовным делам [Текст] / Е.А. Артамонова, В.М. Корнуков // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова; отв. секретарь И.В. Чаднова. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – Ч. 83. – С. 80-87 (0,4/02 а.л.).

36. Артамонова, Е.А. О правовом значении волеизъявления лица, в отношении которого принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела [Текст] / Е.А. Артамонова // Правовая политика России на Северном Кавказе: сб. матер. VII (64-й) ежегод. науч.-практ. конф. Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону» (01-28 апреля 2019 г.) / под ред. М.С. Трофимова. – Ставрополь: Параграф, 2019. – С. 21-24 (0,2 а.л.).

37. Артамонова, Е.А. Возможность обвиняемого оспорить данные против него показания есть гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство [Текст] / Е.А. Артамонова // Современные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. (5 апреля 2018 г., г. Москва) / под ред. В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2019. – С. 7-12 (0,2 а.л.).

38. Артамонова, Е.А. О последствиях реализации права обвиняемого, предусмотренного ч. 4 ст. 173 УПК РФ [Текст] / Е.А. Артамонова // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации: сб. науч. тр. Ч. 2 / под ред. Н.А. Соловьевой, В.М. Шинкарука. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. – С. 11-15 (0,2 а.л.).

39. Артамонова, Е.А. Отказ обвинителя от обвинения в суде: прекращение уголовного дела или оправдательный приговор? [Текст] / Е.А. Артамонова // Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России: сб. науч. ст. / под ред. А.Д. Аветисяна, Н.В. Бушной и др. – Ставрополь: Секвойя, 2018. – С. 34-37 (0,25 а.л.).

40. Артамонова, Е.А. Допрос адвоката, защитника как результат

волеизъявления [Текст] / Е.А. Артамонова // Противодействие преступлениям и преступности: проблемы межотраслевого взаимодействия (2-е Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. 2-й всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 29-30 июня 2017 г.) / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: СГЮА, 2018. – С. 36-40 (0,2 а.л.).

41. Артамонова, Е.А. Влияние волеизъявления обвиняемого на ход уголовно-процессуальной деятельности: история вопроса [Текст] / Е.А. Артамонова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 1 (28). – С. 17-21 (0,5 а.л.).

42. Артамонова, Е.А. Ещё раз об обеспечении права обвиняемого (подозреваемого) заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст] / Е.А. Артамонова // Проблемы уголовного преследования в уголовном судопроизводстве на современном этапе: сб. матер. межвед. науч.-практ. круглого стола / под ред. А.Д. Аветисян. – Ставрополь: Секвойя, 2016. – С. 16-21 (0,2 а.л.).

43. Артамонова, Е.А. Волеизъявление обвиняемого как фактор, ограничивающий самостоятельность следователя принимать решения о производстве отдельных следственных действий [Текст] / Е.А. Артамонова // Институт судебных следователей в России: история и современность (к 145-летию проведения судебной реформы на Тереке и Кубани): матер. междунар. науч.-практ. конф. (17-18 ноября 2016 г.). – Ставрополь: Печатный двор, 2016. – С. 281-286 (0,2 а.л.).

44. Артамонова, Е.А. Право обвиняемого на оспаривание показаний – очередная непродуманная новелла законодателя [Текст] / Е.А. Артамонова, Е.А. Бушина // Правовая политика России на Северном Кавказе: сб. матер. 4-й ежегод. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов и молодых учёных Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону» / под ред. М.С. Трофимова. – Ставрополь: Параграф, 2016. – С. 24-28 (0,25/0,2 а.л.).

45. Артамонова, Е.А. Согласие как форма волеизъявления обвиняемого (подозреваемого) в свете действия принципа публичности уголовного судопроизводства [Текст] / Е.А. Артамонова // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии

(в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29-30 сентября 2016 г.). – Саратов: СГЮА, 2016. – С. 498-499 (0,25 а.л.).

46. Артамонова, Е.А. Глава 3. Уголовное преследование [Текст] / Е.А. Артамонова // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. – С. 120-129 (0,25 а.л.).

47. Артамонова, Е.А. Порядок инициирования процедуры примирения по уголовным делам: влияние на судебное решение [Текст] / Е.А. Артамонова // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 28 мая 2015 г.). – Саратов: СГЮА, 2015. – С. 18-23 (0,25 а.л.).

48. Артамонова, Е.А. О влиянии волеизъявления подозреваемого (обвиняемого) на принятие решений о переходе из одной формы дознания в другую [Текст] / Е.А. Артамонова // Следственная деятельность: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. по матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В.А. Дубриного (Саратов, 10 ноября 2015 г.). – Саратов: СГЮА, 2015. – С. 24-30 (0,2 а.л.).

49. Артамонова, Е.А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон: право или обязанность суда? [Текст] / Е.А. Артамонова, М.А. Чабагаев // Правовая политика: приоритеты и формы реализации: матер. второй междунар. науч.-практ. конф. (18-19 декабря 2014 г.). – Ч. 1. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 241-243 (0,2 а.л.).

50. Артамонова, Е.А. Реализация принципа справедливости правосудия в свете обеспечения прав потерпевшего [Текст] / Е.А. Артамонова // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: матер. междунар. науч.-практ. конф. (06 февраля 2015 г.). – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 135-138 (0,2 а.л.).

51. Артамонова, Е.А. О квалифицированной юридической помощи потерпевшим от террористических преступлений [Текст] / Е.А. Артамонова // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: сб. тр. всерос. науч.-практ. конф. (25-26 сентября 2014 г.). – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 141-144 (0,2 а.л.).

52. Артамонова, Е.А. Стадия возбуждения уголовного дела: не все новое лучше лишь потому, что оно новое [Текст] / Е.А. Артамонова //

Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: матер. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Протасевич. – Иркутск: БГУЭиП, 2014. – С. 14-20 (0,2 а.л.).

53. Артамонова, Е.А. О судьбе стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / Е.А. Артамонова // Правовая политика России на Северном Кавказе: сб. матер. 2-й ежегод. науч.-практ. конф. «Университетская наука – региону» (7-28 апреля 2014 г.). – Ч. 1. – Ставрополь: Параграф, 2014. – С. 56-59 (0,2 а.л.).

54. Артамонова, Е.А. О праве потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи [Текст] / Е.А. Артамонова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 16-18 (0,25 а.л.).

55. Артамонова, Е.А. Исчисление срока принятия решения по сообщению о преступлении после его передачи по подследственности [Текст] / Е.А. Артамонова // Сборник научных статей, посвящённых Дню российской науки (Ставрополь, 8 февраля 2014 г.). – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2014. – Ч. 1. – С. 26-27 (0,2 а.л.).

56. Артамонова, Е.А. Основы теории доказательств в уголовном процессе России [Текст] / Е.А. Артамонова, О.В. Фирсов. – М.: Норма, 2014. – 240 с. (15 а.л.).

57. Артамонова, Е.А. Институт изменения категории преступления: проблемы применения [Текст] / Е.А. Артамонова // Правовая политика и модернизация государственности: матер. междунар. науч.-практ. конф. – Пятигорск: РИА КМВ, 2012. – С. 334-336 (0,2 а.л.).

58. Артамонова, Е.А. Надлежащий повод для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы теории и практики [Текст] / Е.А. Артамонова, В.Г. Конюков // Юридический советник генерального директора. – 2012. – № 2. – С. 33-37 (0,25 а.л.).

59. Артамонова, Е.А. О проблеме обеспечения квалифицированной юридической помощью потерпевших, лишённых возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы [Текст] / Е.А. Артамонова // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 95-98 (0,25 а.л.).

60. Артамонова, Е.А. О гласности судебного разбирательства по уголовным делам [Текст] / Е.А. Артамонова // Юридическая наука: история и

современность. – 2011. – № 3. – С. 98-101 (0,2 а.л.).

61. Артамонова, Е.А. О законодательном соотношении прав потерпевшего и обвиняемого в УПК РФ [Текст] / Е.А. Артамонова // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: собр. науч. ст. – Вып. II. – Саратов: СГАП, 2010. – С. 159-163 (0,25 а.л.).

62. Артамонова, Е.А. Эволюция частного начала в дореволюционном российском уголовном процессе [Текст] / Е.А. Артамонова // Закон и практика. – 2010. – № 2 (34). – С. 54-56 (0,25 а.л.).

63. Артамонова, Е.А. Об обязанности разъяснять подозреваемому или обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст] / Е.А. Артамонова // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: матер. междунар. науч.-практ. конф. (10-11 декабря 2009 г.) / отв. ред. А.П. Полуэктов. В VI ч. – Новокузнецк: ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2010. Ч. VI. – С. 8-11 (0,2 а.л.).

64. Артамонова, Е.А. О назначении наказания с позиций справедливости [Текст] / Е.А. Артамонова // Правозащитник. – 2004. – № 1. – С. 36-40 (0,2 а.л.).

65. Седаш, Е.А.¹ Гарантии обеспечения волеизъявления личности в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.А. Седаш // Права человека: пути их реализации: матер. междунар. науч.-практ. конф. (8-10 октября 1998 г.). – Саратов: СГАП, 1999. – Ч. 2. – С. 105-106 (0,2 а.л.).

Общий объём публикаций составляет 73,2 а.л.

¹ Фамилия Седаш изменена на фамилию Артамонова в 2001 году в связи с вступлением в брак.